

Слуга проводил Цан Мо взглядом, после чего с извиняющимся видом обратился к Жун Чжэци и Цзи Сяонаню:

— Прошу прощения за ожидание, сейчас я провожу вас внутрь.

Не успел Жун Чжэци ответить, как другой слуга, дежуривший у входа, преградил путь роскошному автомобилю стоимостью в несколько миллионов и вежливо произнес:

— Прошу прощения, но по правилам усадьбы гостям запрещено въезжать на территорию на личном транспорте.

Водитель поспешно вышел из машины, протянул слуге богато украшенное серебром приглашение и сказал:

— Здравствуйте, я водитель семьи Сунь, в машине мой господин, Сунь Цзиньцзянь.

Только теперь Жун Чжэци понял, что приглашения бывают разных категорий. Раньше он полагал, что роскошное красное приглашение, полученное от клана Му, идеально соответствует его статусу, но, увидев серебряную карточку Сунь Цзиньцзяня, он почувствовал жгучий стыд. Он догадался, что ему досталось самое обычное приглашение из всех, что рассылал клан Му.

— Добро пожаловать в усадьбу Фугуй, господин Сунь. Прошу вас, выходите из машины, я провожу вас, — слуга, остановивший автомобиль, стал еще более учтивым, но смысл его слов был ясен: даже Сунь Цзиньцзянь не мог въехать в усадьбу на машине.

На душе у Жун Чжэци стало немного спокойнее. Раз уж даже крупнейший финансовый магнат города Н вынужден выходить из машины и идти пешком, то его, генерального директора корпорации, принимают на том же уровне.

Через несколько секунд Сунь Цзиньцзянь, сидевший в салоне, невозмутимо постучал по стеклу. Водитель тут же открыл дверь, и из машины вышел мужчина средних лет невысокого роста с заметным животом. У Сунь Цзиньцзяня был довольно добродушный вид, но исходящую от него властность, присущую лишь людям, привыкшим долгое время занимать высокие посты, никто не осмелился бы проигнорировать.

Сунь Цзиньцзянь обладал хорошими манерами и не стал намеренно придирается к слуге. Он слегка кивнул, показывая, что готов следовать за ним.

Когда Сунь Цзиньцзянь отошел на добрую сотню шагов, Жун Чжэци вместе с Цзи Сяонанем также попросили слугу показать им дорогу.

До главного зала нужно было идти минут десять через поле для гольфа. По пути Жун Чжэци, притворяясь любопытным, спросил:

— Раз уж в усадьбу нельзя въезжать на машине, почему тот молодой человек из клана Жун смог проехать?

Слуга, по-видимому, был не прочь посплетничать. Увидев, что Жун Чжэци — перспективный гендиректор, о котором писали на обложке финансового журнала СС, — сам заговорил с ним, он быстро выложил все подробности того, почему Цан Мо беспрепятственно въехал на территорию.

Так Жун Чжэци узнал, что Жун Цзысюань удостоился особого отношения со стороны клана Му лишь потому, что случайно спас жизнь старику Му.

Все вышло весьма неожиданно. Месяц назад Цан Мо катался на спорткаре по горному серпантину, практикуя скоростной дрифт. Ему не повезло: он наткнулся на несколько черных машин, преследовавших черный Мерседес, в котором находился только что вернувшийся из-за границы старик Му.

Преступники действовали жестоко. Заметив лишнего свидетеля, они решили избавиться и от Цан Мо, открыв огонь и пробив одно из колес его спорткара.

В ходе хаотичной перестрелки Мерседес вилял из стороны в сторону, задняя дверь внезапно распахнулась, старик Му выкатился на обочину, а машина врезалась в горный склон.

Цан Мо не ставил бандитов ни во что. Разозлившись на то, что они испортили ему удовольствие и повредили машину, он прищурился, молниеносно расправился с нападавшими, а их автомобили сбросил со скалы, чтобы замести следы.

Оказалось, что водитель старика Му погиб от пули, а сам старик, выкатившись из машины в критический момент, получил сердечный приступ. Он лежал на земле, хватаясь за грудь и задыхаясь.

Учитывая характер Цан Мо, он вполне мог просто проехать мимо. Он уже собрался уезжать, как вдруг услышал, что старик Му, дрожащей рукой потянувшись к нему, прошептал три слова:

— Внук... невестка...

Обычный человек вряд ли расслышал бы предсмертный шепот, но Цан Мо обладал феноменальным слухом — он слышал даже, как ползают насекомые в траве, что уж говорить о человеческой речи.

Легко представить, как сильно нахмурились его красивые брови при звуках этих слов — казалось, ими можно было перекусить муху.

Он с сомнением подошел к посиневшему старику, присел на корточки, вытянул правую руку и,

сложив указательный и средний пальцы, быстро надавил на несколько точек возле сердца старика. Затем он схватил его за левую руку и умело промассировал несколько зон. Дыхание старика Му почти сразу выровнялось, а лицо перестало быть мертвенно-бледным и начало приобретать здоровый оттенок.

— Что ты сейчас... сказал? — Цан Мо наблюдал, как старик Му с трудом приподнимается. Он не собирался помогать ему, напротив, в его взгляде читалась угроза — казалось, если старик ответит неправильно, Цан Мо тут же отправит его вслед за теми, кто его разозлил.

Старик Му был пухлым и жизнерадостным человеком. Придя в себя, он не проявил ни капли страха, который обычно испытывают люди, заглянувшие в лицо смерти. Он улыбнулся и с довольным видом произнес:

— Я назвал тебя внуком-невесткой! Внук-невестка, не думал, что у нас такая судьба. Я только вернулся в страну и сразу встретил тебя. Ха-ха, это значит, что ты связан с кланом Му, тебе суждено стать моей внуком-невесткой.

— Кто позволил тебе так меня называть? — Цан Мо приподнял бровь, его взгляд стал еще опаснее. Он явно обдумывал, какой способ убийства этого выжившего из ума старика будет наименее хлопотным. В этот момент старик Му порылся в кармане пиджака и достал фотографию, на которой был запечатлен он сам рядом с бесстрастным молодым человеком.

Старик указал на парня и сказал:

— Смотри, это мой внук. Он сказал, что ты — моя внук-невестка.

Цан Мо посмотрел на красивого мужчину с фотографии, стоявшего ровно, словно деревянный столб. Он вскинул брови, и хотя ничего не сказал, старик Му почувствовал, как вся исходящая от юноши жажда убийства исчезла. Он стал выглядеть мягким и безобидным — просто идеальная пара для его внука.

Позже Цан Мо отвез старика Му в усадьбу Фугуй. Он надеялся увидеть то самое бревно, но узнал, что тот вернется в страну только через месяц. В течение этого месяца старик Му каждые несколько дней приглашал Цан Мо в усадьбу пить чай и играть в шахматы, а всем вокруг объявил, что Цан Мо спас его во время сердечного приступа, поэтому все должны относиться к нему с величайшим почтением.

Выслушав эту историю, Жун Чжэци помрачнел. Он не ожидал, что Жун Цзысюаню так повезет: стоило один раз сделать доброе дело, как он спас такую высокопоставленную персону. Если у Му Цзиня и была слабость, то это, несомненно, был старик Му, с которым они были неразлучны.

Только теперь Жун Чжэци вспомнил о договоре, заключенном с Жун Цзысюанем месяц назад. Лицо его почернело от раздражения. Если полагаться только на Жун Цзысюаня, спасение клана Жун — пустая фантазия. Но если вмешаются люди из клана Му, все будет иначе. Не то что за год, а за месяц, по одному слову Му Цзиня, клан Жун мог бы оставить корпорацию

Юйчжэ далеко позади!

— Ци, что с тобой? Почему ты так побледнел? Тебе плохо? — Цзи Сяонань обеспокоенно дернул за рукав погруженного в мысли Жун Чжэци.

Видя искреннюю тревогу на лице Цзи Сяонаня, Жун Чжэци мгновенно успокоился и поспешил заверить:

— Все в порядке, Сяонань, не переживай.

На самом деле, в голове у него промелькнула темная мысль: раз прошел уже месяц, как Жун Цзысюань спас старика, а в делах клана Жун нет никаких сдвигов, может быть, Му Цзинь и старик Му вовсе не испытывают к нему симпатии, а может, даже презирают его? И совсем не собираются помогать клану Жун, а все это — лишь попытка Жун Цзысюаня примазаться к клану Му, используя свое спасение?

Скорее всего, клан Му просто откупился от него деньгами. Это объясняет, почему у клана Жун нашлись средства на создание дорогостоящего рекламного ролика. Подумав об этом, Жун Чжэци окончательно успокоился. Он ободряюще сжал руку Цзи Сяонаня и с улыбкой продолжил путь.

В сопровождении слуги они вошли в банкетный зал. Все вокруг было продумано до мелочей, роскошное убранство создавало иллюзию присутствия на придворном балу.

Гости, присутствовавшие здесь, были людьми высокого полета, поэтому появление Жун Чжэци не вызвало никакого ажиотажа — он был словно крошечный камешек, брошенный в океан.

Раньше Жун Чжэци не встречал людей, превосходящих его, и привык к тому, что другие старались угодить ему. Он впервые оказался в такой неловкой ситуации, когда даже бизнес-магнаты, потягивая вино, смотрели на него свысока.

Смущенный, он увел Цзи Сяонаня в угол, где было поспокойнее, взял со стола два бокала вина и протянул один спутнику. Он внимательно осмотрел зал, но не увидел ни Жун Цзысюаня, ни своего тестя Цзи Дуаньлэя.

— Сяонань, тесть еще не приехал? — Жун Чжэци чокнулся с Цзи Сяонанем, надеясь, что беседа с любимым человеком поможет ему прийти в себя.

Он сделал большой глоток вина, но вдруг замер, уставившись на пустой бокал с изумлением. Это было вино Шато Лафит 75-го года, каждая бутылка которого стоила не меньше восьмидесяти тысяч. Жун Чжэци только что бездарно проглотил целую порцию элитного напитка. Несколько гостей, заметив это, окинули его презрительными взглядами. Жун Чжэци стало не по себе: он не знал, то ли проглотить остатки, то ли выплюнуть, и его настроение окончательно испортилось.

Цзи Сяонань не обращал внимания на окружающих. Услышав вопрос, он озадаченно ответил:

— Папа не говорил, что придет на этот банкет. Он не получал приглашения.

Сердце Жун Чжэци екнуло, он поспешно уточнил:

— Разве я не благодаря твоему отцу получил приглашение?

Цзи Сяонань нахмурился и покачал головой:

— Отец всегда хотел нанести визит клану Му, но не было возможности. Я думал, это ты знаком с господином Му, и даже просил тебя помочь нам наладить с ними связь.

Жун Чжэци был в замешательстве. Если не Цзи Дуаньлэй, то кто еще мог помочь ему получить приглашение?

Цзи Сяонань сообразил быстрее. Его глаза блеснули, и он с возбуждением предположил:

— Ци, может быть, это потому, что ты попал в журнал СС? Господин Му увидел статью, оценил тебя и пригласил лично, чтобы познакомиться?

Лицо Жун Чжэци просияло. Он элегантно поставил пустой бокал на поднос проходящего мимо слуги, взял со стола еще один бокал Лафита, сделал изящный глоток и, выпрямившись, с гордостью сказал:

— Очень вероятно. Когда банкет начнется, пойдем поздороваемся с господином Му. Завязать с ним тесные отношения — отличная идея.

Цзи Сяонань радостно кивнул. У него на душе стало сладко, он был бесконечно счастлив, что стал спутником такого выдающегося человека. Опереться на Жун Чжэци было величайшей удачей в его жизни.

На улице стемнело, гости собрались почти полностью. Цан Мо вошел в зал одним из последних. Как только он появился, многие влиятельные гости, не знавшие правды, подсознательно нахмурились, одарив его презрительными взглядами.

Они не понимали, как Жун Цзысюань вообще попал сюда, не веря, что клан Му мог пригласить такого транжиру. Те же, кто случайно видел рекламный ролик игры от клана Жун, с любопытством поглядывали на этого юношу с детским лицом, словно переоценивая его способности.

Жун Чжэци, заметив на Цан Мо одежду и аксессуары стоимостью не менее трех миллионов, фыркнул: все тот же никчемный мот.

Не успели гости как следует рассмотреть Цан Мо, как свет в зале погас. Проектор осветил

боковую дверь, которая с грохотом распахнулась. Холодный и суровый Му Цзинь, катя инвалидное кресло со стариком Му, под взглядами всех присутствующих медленно проследовал к почетному месту.

<http://bllate.org/book/21243/2149057>